

Дуаньму Цин понимал их намёки, но не давал чёткого ответа, притворившись непонимающим:

— О? Правда? В последнее время я был занят и не следил за событиями в мире боевых искусств.

Действительно занят, но не тем, что они думали. Он был занят убийствами.

Лю Цинь, глава Школы Тайшань, фыркнул и с высокомерием посмотрел на Дуаньму Цина.

— Господин Дуаньму, вы притворяетесь, что не понимаете наши намёки?

Дуаньму Цин развёл руками.

— Да, я притворяюсь. И что вы можете с этим сделать?

— Я, конечно, не посмею сделать что-либо против вас, господин Дуаньму. Весь мир знает, что с вами лучше не связываться.

— Вы это понимаете, и это хорошо. — Дуаньму Цин принял этот едва ли комплимент, ведь это была чистая правда.

Чжан Уцин, глава Школы Южного Хэншань, тоже был человеком с тяжёлым характером. Если другие хотя бы улыбались, он сидел с каменным лицом, будто на похоронах. Он выглядел не как человек, пришедший для сотрудничества, а как тот, кто пришёл требовать долг.

Дуаньму Цин презрительно усмехнулся. Он ненавидел их праведный вид, будто они спасают мир. У этих праведников были достойные уважения черты, но были и те, что вызывали отвращение.

Чжан Уцин ударил ладонью по столу, отчего чашки задрожали, и резко крикнул:

— Дуаньму Цин, не думайте, что мы действительно не посмеём тронуть вас!

Дуаньму Цин рассмеялся. Эти люди говорили уже давно, но так и не перешли к сути, ходили вокруг да около, задавая вопросы. Если бы они сразу сказали, что хотят, он бы не испытывал к ним такого отвращения.

— Вы же знаете, что все, кто осмеливался бросать мне вызов, уже мертвы.

Атмосфера накалилась до предела. Ли Юэтянь, глава Школы Северного Хэншань, и Ян Цин, глава Союза Боевых Искусств, поспешили сгладить ситуацию. Всё-таки они были на чужой территории, и лучше было вести себя сдержанно.

Ли Юэтянь усадил Чжан Уцина.

— Господин Чжан, давайте поговорим спокойно, не нервничайте. Мы ведь пришли сюда для сотрудничества с господином Дуаньму.

Ян Цин обратился к Дуаньму Цину:

— Господин Дуаньму, не сердитесь. Мы пришли обсудить важные дела. Чжан Уцин вспыльчив, проявите понимание.

Дуаньму Цин с усмешкой спросил:

— Если у вас есть дело, почему бы не сказать прямо? У меня нет времени на ваши намёки!

Ян Цин мысленно выругался на Чжан Уцина. Вечно он всё портит!

Чжан Уцин, усаженный на стул, всё ещё был в ярости.

— Вы думаете, мы хотим иметь с вами дело?

Дуаньму Цин не мог понять, почему тот так злится. Разве он осквернил могилы его предков?!

К таким людям он тоже не испытывал симпатии.

— Говорите, если есть что сказать, иначе убирайтесь!

— Вы... это просто неслыханно! — Чжан Уцин был не в силах сдержаться, смотря на Дуаньму Цина с презрением.

— Чжан Уцин, успокойтесь! Мы пришли сотрудничать, а не ссориться! Вы же глава школы, как вы можете вести себя как уличный хулиган! — Ли Юэтянь, обычно спокойный, тоже вышел из себя из-за Чжан Уцина.

Дуаньму Цин уважал Ли Юэтяня, не в последнюю очередь из-за их деловых отношений. Ли Юэтянь всегда был щедр, и Дуаньму Цин любил иметь с ним дело.

После окрика Ли Юэтяня Чжан Уцин бросил на него взгляд, но Ли Юэтянь ответил тем же, не уступая. Чжан Уцин сдался и нехотя сел.

— Мы пришли обсудить дело с Вратами Гу. Вы, конечно, знаете об этом. Мы хотим попросить вас отозвать часть людей. Если загнать Врата Гу в угол, это станет катастрофой для мира боевых искусств. — Ян Цин сел и заговорил с серьёзным видом. — Если необходимо, вы можете тайно устранить их?

Дуаньму Цин пренебрежительно ответил:

— Если вы предпочитаете действовать скрытно, это ваше дело. Я всегда действую открыто.

Его слова были ясны: он не отзовёт своих людей.

— Господин Дуаньму, зачем так упорствовать? Насколько я знаю, ваша супруга лишь пострадала от Врат Гу, но её жизни ничего не угрожает. А в наших школах произошли убийства, связанные с Вратами Гу, и мы ещё не довели дело до конца. — Лю Цинь попытался апеллировать к эмоциям и логике. Они пришли не для того, чтобы просить пощады для Врат Гу, а чтобы уговорить его сбавить обороты, дать им шанс. Иначе как они будут выглядеть в глазах мира боевых искусств? Что Школа Пяти Великих Гор уступает Башне Цинчэн? Как они продолжают существовать?

Дуаньму Цин разозлился, когда заговорили о Девятнадцатом.

— Вы трусы, и хотите, чтобы Башня Цинчэн стала такой же? Вы слишком много на себя берёте!

Ли Юэтянь, видя, что Дуаньму Цин готов взорваться, поспешил вмешаться:

— Господин Дуаньму, успокойтесь. Мы просто хотим, чтобы вы отозвали часть людей, а

остальные могли бы сотрудничать с нами против Врат Гу.

— А если я откажусь? — Дуаньму Цин громко поставил чашку на стол и холодно произнёс.

— Господин Дуаньму, не торопитесь с отказом. Сотрудничество с нами принесёт вам пользу. Почему бы не выслушать нас? — Чжуан Цяо улыбнулся. Его лицо было добродушным, создавая ложное впечатление о его характере.

Дуаньму Цин усмехнулся.

— Извините, но у меня нет настроения слушать.

— Дуаньму Цин, преследуя Врата Гу, вы косвенно навредили нашим ученикам. Мы ещё не рассчитались с вами за это, не упрямитесь!

Они по очереди уговаривали Дуаньму Цина, но никто не смог его убедить. Чжан Уцин, теряя терпение, выпалил:

— Не думайте, что я не могу уничтожить вашу школу!

Башня Цинчэн существовала много лет, и её сила была непостижима. Школа Пяти Великих Гор, хотя и имела глубокие корни в мире боевых искусств, тоже не была неуязвима.

— Давайте поговорим спокойно. Господин Дуаньму, что вы предлагаете? — Ян Цин снова выступил в роли миротворца. Если Башня Цинчэн действительно уничтожит какую-либо школу, ему придётся разбираться с последствиями. Скоро выборы нового главы Союза Боевых Искусств, и сейчас не время создавать проблемы. Если уж и воевать, то после смены власти.

— Всё просто. Вы платите, Башня Цинчэн действует. Хотите отомстить за учеников? Платите. — Дуаньму Цин предложил, как ему казалось, идеальное решение. Все знали правило Башни Цинчэн: плати — и дело будет сделано.

— Господин Дуаньму, это не совсем справедливо. Наши школы в последнее время понесли большие потери, а ещё нужно финансировать Великое Собрание Боевых Искусств. Наши бюджеты ограничены, и мы не можем позволить себе ваши цены. — Ли Юэтянь, немного помедлив, неохотно произнёс. Ему не хотелось говорить такие вещи, но другие смотрели на него, а Лю Цинь даже подмигнул, так что ему пришлось взять инициативу в свои руки.

Дуаньму Цин заметил их уловки. Эти праведники, как всегда, были лицемерны. Посмотрите на них: кроме Ли Юэтяня и Ян Цина, которые были худощавыми и высокими, с аурой бессмертных, остальные трое были толстыми. И они ещё смеют говорить, что бедны?

Чжуан Цяо, вечно улыбающийся, похож на ходячую свинью. Лю Цинь, с его телосложением, можно назвать широким — он мог бы вместить двух Дуаньму Цинов. Чжан Уцин, казалось бы, среднего телосложения, но жир на лице невозможно скрыть, и, когда он улыбается, лицо покрывается морщинами. Наверное, он не улыбается, чтобы не выглядеть уродливо.

Все они толстые, с мозгами, забитыми жиром. Если их школы и бедны, то только потому, что они всё съели!

Дуаньму Цин сделал вид, что обдумывает их слова, но на самом деле просто оценивал их. Закончив, он серьёзно сказал:

— Если у вас финансовые трудности, я ничем не могу помочь. Возвращайтесь.

Ян Цин и другие не хотели сдаваться.

— Господин Дуаньму, поймите наши трудности!

Дуаньму Цин взмахнул рукавом и с сожалением ответил:

— Тогда и вы поймите меня. Башня Цинчэн — большое дело, а у меня ещё и семья, которую нужно содержать.

Последние слова были явным намёком на их одинокое положение в зрелом возрасте.

— ... И что с того, что не женаты? Неужели нельзя не так прямо тыкать на больное?

Дуаньму Цин с удовольствием наблюдал за их неловкими выражениями и добавил:

— Обычно я не занимаюсь такими мелкими делами, но сделал для вас исключение. А вы всё равно недовольны. Что поделать?

Авторская ремарка:

Дуаньму Цин: Ну давай, ну давай, займись мной!

Девятнадцатый: Маленький демон, погляди, как я сделаю так, что ты с кровати не встанешь!

<http://bllate.org/book/16706/1535170>